

Сяо Чжочин и Фэн Юаньси встретились взглядами.

Оставлять чиновника ночевать во внутренних покоях было, в конце концов, противоречащим правилам приличия. Но, к счастью, этот Император не слишком жаловал живых людей, и в его спальню отроду не допускались посторонние, не говоря уже о ночевках внешних министров.

Сяо Чжочин, сперва охваченный легким беспокойством, стоило ему лишь встретиться взглядом с Вашим Величеством, тут же успокоился.

Он сохранял невозмутимость, ожидая, пока император со злобным выражением лица откажет ему, а затем позволит сесть за место и продолжить урок.

Однако Фэн Юаньси лишь молча смотрел на него какое-то время.

– Мм.

...?

Что значит «мм»?

Сяо Чжочин слегка округлил глаза, наблюдая, как Фэн Юаньси подошел к нему, прошел мимо, а затем уверенно и тяжело опустился на императорский трон, стоявший перед ним.

Сяо Чжочин на мгновение лишился дар речи.

И тут он заметил, как Фэн Юаньси поднял голову.

Если смотреть сверху вниз, то это яркое, но исполненное мрачной злобы лицо вдруг приобрело нечто пугающе спокойное и послушное. Откинув всякие сомнения, Император спросил его:

– Разве Учитель еще не занял свое место?

...И впрямь пора было занять место.

Ошеломленный Сяо Чжоцин на полшага отступил назад, все еще сжимая в пальцах тот уголок недогоревшего талисмана.

Однако он не видел, как Фэн Юаньси сглотнул вязкую слюну и отвел взгляд. На лице его по-прежнему застыла та же отрешенно-бесстрастная маска, напоминающая изваяние из глины, но пальцы, вцепившиеся в колени, дрожали.

Он сжал их так сильно, что ровные ногти впились в ладони, покрытые испариной, холодной и липкой.

...Он останется ночевать.

Взгляд Фэн Юаньси скользнул по просторному и безмолвному двору Изогнутой Террасы и в конце концов замер на полах чиновничьего облачения, которые взмывали в воздух ниже узкой талии Сяо Чжоцина, когда тот развернулся, чтобы сойти по ступеням.

Его кадык судорожно дернулся.

Он же... В зале Изогнутой Террасы всего одно ложе.

Где же этой ночью будет спать он?

Сяо Чжоцин только что закончил занятие и сказал Ло Хэюю, что у него по-прежнему полно неотложных дел, а в храме Дали его дожидается ворох неразобранных судебных дел.

- Это... - замялся Ло Хэюй, явно не желая его отпускать.

- До наступления ночи этот подданный вновь отправит во дворец мемориал, - пообещал евнуху Сяо Чжоцин.

Ло Хэюй же выказал предельную услужливость:

- Не извольте беспокоиться, Господин! Те бумаги... Этот раб сам пошлет людей привезти их сюда, в храм Дали, для вас!

Сяо Чжочин остолбенел:

– Это... боюсь, лишь утрудит вас, почтенный...

В этот самый момент слышался шелест распахнутых крыльев.

До этого момента стоявший на золотом насесте Дунцзюнь внезапно взмыл в воздух и приземлился прямо у ног Сяо Чжочина.

Склонив голову набок, птица снизу вверх уставилась на него, загородив Сяо Чжочину дорогу.

Не успел он и глазом моргнуть, как евнух Ло уже подозвал двух слуг:

– Какое утруждение! Раз уж господин изволит провести эту ночь рядом с Его Величеством, этот старый слуга бесконечно благодарен! Что стоит притащить какие-то бумаги!

Услышав это, те двое слуг воззрились на него так, словно узрели живого Будду – пожалуй, с самого прибытия во дворец они еще никогда не были столь усердны и исполнительны. Наперегонки бросившись вперед, они затараторили:

– Рабы сей же час отправятся в храм Дали!

Проявив исключительное усердие, слуги поспешили за ворота дворца, в то время как путь Сяо Чжочину по-прежнему преграждал огромный Дунцзюнь.

Они с орлом некоторое время молча смотрели друг на друга.

Что такое? Ты тоже ждешь, пока я этой ночью стану ловить духов во дворе Изогнутой Террасы?

Дунцзюнь в недоумении наклонил голову.

Пора бы ему уже и пообедать, однако не успел он доесть и кусок мяса, как Фэн Юаньси сорвал с него путы и попросту швырнул со ступеней вниз.

Аккурат к ногам Сяо Чжочина.

Какого черта? Он ведь еще не доел.

Зоб птицы оставался пустым, едва наполовину заполненным. Встряхнув хвостом, Дунцзюнь гордо заложил крылья за спину и удалился.

Сяо Чжоцин, озадаченный еще сильнее, проследил за ним взглядом и увидел, как орел, пройдя несколько шагов, вновь распустил крылья и взлетел на золотой насест.

А рядом с насестом Фэн Юаньси с предельной сосредоточенностью кромсал мясо для Дунцзюня.

Слегка наклонив голову, он освещенной ярким солнцем половиной своего прекрасного лица застыл в тени опущенных ресниц, а выражение его глаз было донельзя серьезным.

Приземлившись на насест, Дунцзюнь принялся истово клевать еду. Человек и птица выглядели донельзя гармонично.

Официальные бумаги оказались на редкость громоздкими – Ло Хэюй притащил для Сяо Чжоцина целых два тяжелых сундука.

Зал Изогнутой Террасы отличался торжественностью и служил главным образом для приема министров, аудиенций и ученых бесед. Поскольку лекция подошла к концу, Ло Хэюй велел перенести бумаги в сад за главным зданием.

День выдался ясным и безоблачным, в зарослях пышной зелени у извилистого ручья раскинулась прохладная беседка над водой. Там евнух Ло распорядился установить столик, разложил фрукты и чайные сладости, а заодно приставил двух служанок растирать тушь и подавать кисти.

Сяо Чжоцин еще раз выразил признательность Ло Хэюю за заботу, но вот принимать помощь дворцовых дев он решительно не смел.

- Не утруждайте себя, девушки. Разбирая дела храма Дали, я не привык прибегать к чьей-либо помощи, - произнес он. - Ступайте, займитесь своими делами.

Господин Сяо обладал поразительной внешностью, происходил из знатного рода, чье благородство насчитывало поколения, а в столице слыл прославленным молодым героем. Воистину, он являл собой истинный воплощенный нефрит - кто же не устремился бы к нему всем сердцем?

К тому же, в будние дни господин Сяо изъяснялся со слугами с исключительной мягкостью, всегда говорил тихим, ласковым голосом и, за исключением того случая с болезнью Императора, никогда не позволял себе гневаться.

Хотя, если подумать, разве сердитый господин Сяо не прекрасен?

Большинство евнухов и служанок во дворце питали к нему искреннюю симпатию.

Поскольку поблизости не было никого постороннего, служанки осмелились позволить себе толику вольности и заговорили с ним с улыбкой:

- Господину Сяо не стоит отказываться, ведь кому-то нужно подавать вам кисти и тушь, - усмехнулась одна из них.

Вторая тут же подхватила:

- Верно-верно, евнух Ло наказал нам, что сегодняшняя наша обязанность - прислуживать господину.

Эти две служанки попали во дворец одновременно и из-за одинаковой нищеты вместе угодили во двор Изогнутой Террасы прислуживать Императору, словно тигру. Между ними давно установились крепкие приятельские отношения, и едва слова затихли, они переглянулись и тихонько хихикнули.

- Рабыня разотрет для вас тушь!

- Нынче привезли лучшие даньские апельсины, рабыня очистит их для господина!

Прижавшись друг к другу, одна усердно растирала тушь, а вторая очищала сочный плод, и обе смотрели на него столь лукаво и радостно, что Сяо Чжоцин растерялся еще больше.

– Довольно. Ступайте и передайте Ло Хэюю, что это я так велел.

С этими словами Сяо Чжоцин взял со стола одно пирожное из каштановой муки и протянул девушкам: – Возьмите. Во второй половине дня дел нет, ступайте и угоститесь.

Истинно говорят: у господина Сяо золотое сердце.

Служанки переглянулись и в мгновение ока обменялись тайными знаками.

Стоит ли им принять награду и удалиться или остаться и продолжить прислуживать господину Сяо?

– Ав-ав!

Однако в этот самый момент из-за беседки донесся свирепый собачий лай.

Служанки испуганно вздрогнули и, оглянувшись, увидели величественного черного пса, которого держал во дворец сам Император. Перемахнув через резную галерею, зверь напрямик устремился к беседке.

Девушки вскрикнули от ужаса. Забыв о пирожном, они выронили белое фарфоровое блюдо, которое со звоном рухнуло на пол и разлетелось на куски.

Источающие аппетитный аромат каштановые сладости покатались по земле вместе с осколками.

Сяо Чжоцин тоже вздрогнул и в ту самую секунду, когда огромный пес преодолел последние шаги, заслонил собой служанок.

Но тут из-за галереи неторопливо вышел Фэн Юаньси.

– Назад.

Стоило ему бросить это короткое слово, как черный пес мгновенно развернулся, перепрыгнул через ярко-красные перила галереи и покорно уселся позади хозяина.

На Императоре по-прежнему была та же облегающая одежда, что и во время утренних занятий. Рукава повседневного наряда затягивались кожаными наручами, из-под которых на тыльной стороне ладони виднелся свежий рубец.

– Ваше Величество.

Сяо Чжоцин и служанки склонились в поклоне. Фэн Юаньси вошел в беседку, и его взгляд упал на рассыпанное по полу угощение.

– Что вы тут делали? – бросил он, переводя взгляд на Сяо Чжочина.

Служанки, еще мгновение назад уверенные в себе и перемигивавшиеся друг с другом, теперь стояли бледные как полотно, опустив головы и дрожа от страха. Не смея издать ни звука.

Прикажет ли Император отрубить им головы?

Пожалуй, нет. Но огромный черный пес уже успел бесцеремонно ввалиться в беседку и теперь подозрительно обнюхивал подола их платьев, словно решая, кого съесть в первую очередь.

В тот день, когда Ши Сюэзе проник во дворец с убийственным умыслом, они находились внутри зала и своими глазами видели, как этот пес насмерть загрыз человека...

– Раз чай и сладости доставлены, ступайте доложите Ло Хэю о выполнении поручения.

В этот момент голос господина Сяо, прозвучавший подобно чистому горному ручью, нарушил тишину.

Подняв головы, они увидели, что Сяо Чжоцин смотрит на них с мягкой, но настойчивой улыбкой.

- Чего ждете?

Конечно же, уходить!

Исполненные глубочайшей благодарности, две служанки поспешно отвесили поклон Фэн Юаньси и пулей вылетели из беседки.

Сяо Чжоцин поднял глаза и объяснил Фэн Юаньси:

- Ваше Величество, этот подданный не жалуется на пирожные из каштановой муки. Отказать евнуху Ло в щедрости было неудобно, поэтому я намеревался отдать их девушкам, а они попросту не осмелились принять подарок.

Вот как?

Фэн Юаньси ничего не ответил.

Он все видел издали.

Эти две служанки улыбались во все 32 зуба, толкались локтями и крутились перед Сяо Чжоцином, пристававшие словно уличные бродяги, - а Сяо Чжоцин вдобавок еще и угощал их сладостями?

Бросив косой взгляд на собаку, Император холодно бросил:

- Ешь.

Свирепый пес, обнюхивавший землю уже добрую минуту, тут же разинул пасть и принялся жадно пожирать валявшиеся на полу каштановые сладости.

Сяо Чжоцин: - ...

Оказывается, пес полдня принюхивался вовсе не к ним, а вынюхивал еду.

Моргнув, он увидел, что Фэн Юаньси подошел к краю беседки и уселся прямо там. Рядом с беседкой мерно плескалась чистая вода, и он занял место аккурат напротив столика Сяо Чжоцина.

– Занимайся своими делами, – бросил он ему.

Огромная собака продолжала уплетать угощение на полу, а Фэн Юаньси прислонился к резному столбу, скрестив руки на груди, и прямо на месте закрыл глаза, словно и впрямь собирался вздремнуть, нисколько не опасаясь свалиться в ручей.

Сяо Чжоцин тяжело вздохнул про себя.

Проводил двух служанок... чтобы заполучить вот такое божество.

К счастью, у Фэн Юаньси обнаружилось одно неоспоримое достоинство: он умел хранить тишину.

Стоило ему закрыть глаза, как казалось, будто он и вправду уснул. Пес, расправившись с едой, улегся рядом с его ногами, положив морду на передние лапы, и глубоко вздохнул, выказывая полную удовлетворенность трапезой.

Смирившись с неизбежным, Сяо Чжоцин сел за стол и, оказавшись лицом к лицу с человеком и животным, раскрыл стопку судебных дел.

Громкое дело клики Цзян Лу, переданное в ведение Сяо Чжоцина, постепенно сходило на нет, затухая под благовидными предложениями.

Значительная часть чиновников, включая Цуй Мао, были полностью оправданы по результатам расследования Сяо Чжоцина. Многие при дворе шепотом восхищались проницательностью Сяо Чжоцина, но сам он прекрасно понимал: столь масштабное дело ни в коем случае не могло завершиться в такой зловещей тишине.

Победители не получили желанной добычи, а значит, затаили обиду и лишь ждали удобного часа для удара. Стоило одной волне схлынуть, как следующая поднимется с еще большей яростью, и сдержать ее будет непросто.

Поэтому нынешняя стратегия Сяо Чжоцина строилась лишь на одном принципе.

Беспристрастность.

Поступающие в храм Дали бумаги он рассматривал строго по существу, вынося вердикты о виновности или невиновности вне зависимости от партийной принадлежности. Если обвинение подтверждалось уликами, виновного ждало наказание по закону, невзирая на лица – без малейших поблажек.

На данный момент это был лучший способ утихомирить дело банды Цзян Лу.

К счастью, в последнее время разгорелся скандал вокруг коррупции нескольких чиновников из партии честных мужей, так что весь двор охватила паника, и влиятельным сановникам было не до сведения личных счетов.

Погрузившись в чтение документов, Сяо Чжоцин позабыл и о течении времени, и о том, что рядом кто-то находится.

Он не заметил, как с белых ветвей магнолии над беседкой плавно спланировал и опустился крупный лепесток, и что опершийся на колонну Фэн Юаньси в этот момент открыл глаза.

Его ясный взгляд вовсе не был похож на затуманенный сонным забытием.

Он и не думал спать.

Дворцовые служанки во дворе Изогнутой Террасы были на редкость наглыми: стоило им заметить, что Сяо Чжоцин мягок в обращении, как они принимались докучать ему без конца.

Он все видел. Ранее одна из служанок, подавая чай Сяо Чжоцину, нарочно задержалась у галереи и воткнула в волосы цветок.

И чего ради украшать себя? Сяо Чжоцин все равно на нее не смотрит.

Подняв взгляд, Фэн Юаньси заметил, как лепесток магнолии опустился на бумаги Сяо

Чжоцина, запятнав его невысохшие чернила.

Сидя за столом, Сяо Чжоцин слегка опустил голову, сжав пальцами кисть; его черты лица казались холодными и точеными, а всё его существо было исполнено безмятежной сосредоточенности.

На нем безупречно сидело чиновничье платье, черная шапка плотно охватывала голову, а из-под нее виднелась полоска безупречно белой шеи. Широкие плечи и ровная спина придавали его фигуре изящную статью, а широкие рукава свисали с запястий, обнажая тонкие, словно тушевый бамбук на картинах с пейзажами, кости.

Неужели точно так же он выглядит, когда вершит суд в залах храма Дали или допрашивает преступников в застенках тюрьмы?

Если так, то за какое угодно преступление можно не раздумывая признать себя виновным.

Сидя напротив него, Фэн Юаньси на мгновение поддался наваждению, словно сам стоял перед судом.

...Или, вернее сказать, им овладел порыв.

Легкий ветерок пронесся по беседке, и белый лепесток на столе качнулся, беззастенчиво прислонившись к запястью Сяо Чжоцина. Сам же он, казалось, ничего не замечал: нахмутив брови над очередным запутанным делом, он вглядывался в строки холодным, пронизательным взглядом, верша чью-то жизнь и смерть.

Какое вообще значение имеют чужие жизни и смерти?

Фэн Юаньси не сводил глаз с этого лепестка.

Даже если бы он сам сейчас оказался узником, преступником, стоящим на коленях в ожидании приговора, ему было бы абсолютно плевать, чем закончится дело в бумагах этого судьи – ссылкой или смертной казнью.

Ему хотелось лишь протянуть руку, сорвать эту бесстыдно прильнувшую к чужому запястью белую лепестковую занозу.

И занять ее место.

<http://bllate.org/book/18810/1865701>